

КУЫРЫСДЗАУ КАК ОПЫТ ВИЗИОНЕРСТВА В ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ОСЕТИН

Р. П. Кулумбеков

В статье рассматривается практика куырысдзау — одной из форм проявления визионерства, которой отводилось особое место в аграрном культе осетин. Куырысдзау — так называли человека, обладавшего способностью в определенное время года перемещаться в загробный мир. Благодаря дореволюционным исследователям осетинского быта и верований, мы имеем подробное описание этого явления, но сам феномен куырысдзау не нашел должного отражения в специальных исследованиях. Необходимо отметить, что в мировой науке долгое время не придавали должного значения визионерству, считая его недостаточно важным элементом человеческой культуры. Поверье о куырысдзау характеризует представление осетин в старину о влиянии умерших на произрастание злаков. В его основе лежит культ мертвых, одним из основных положений которого было суеверие народа, будто мертвые могут оказывать влияние на повседневную жизнь оставшихся поколений. Таким образом, в основе практики куырысдзау лежат древнейшие народные представления о предстоящем урожае и хозяйственных условиях в наступающем году. Если знахарки, гадалки, ясновидящие в основном выполняли заказ отдельного человека или семьи, то куырысдзау — всего общества. Это придавало им особый статус. Сонма ворожей люди боялись, в то время как в отношении куырысдзау всегда высказывалось почтение. Путешествие в мир теней было сопряжено с опасностью для души посланца, поскольку он мог не вернуться в мир живых. В основе практики куырысдзау лежат древнейшие народные представления о предстоящем урожае, о хозяйственных условиях в наступающем году. Востребованность этой формы визионерства была определена общественным заказом, как средство для прогнозирования видов на сельскохозяйственную деятельность в текущем году.

Ключевые слова: куырысдзау, Бурку, Куырыс, зерновые злаки, культ предков, земледелие.

In the agrarian cult of the Ossetians a special place occupied by one of the forms of manifestation of visionary practice is that of kurysdzau. This was the name for special people, who had the ability to move to another world at definite times of the year. Due to the prerevolutionary researchers of the Ossetian culture and beliefs, we have a detailed description of this phenomenon, but in special studies the phenomenon of kurysdzau has not been adequately represented. It is important to note that for a long time visionaries were left without enough attention by the science, being considered to be an insufficiently important element of human culture. Belief of kurysdzau characterizes the idea of the Ossetians in old times about the influence of the deceased people on the growth of cereals. It is based on the cult of the dead, one of the main provisions of which was the superstition of people, that the dead can influence everyday life of the remaining generations. Thus, ancient idea of people about the forthcoming harvest and about economic conditions in the coming year are at the basis of kurysdzau practice. If sorcerers, fortunetellers and clairvoyants mainly performed order of an individual person or a family, the kurysdzau fulfilled that of the whole society. This attributed them a special status. People were afraid of the fortunetellers, but respect was always displayed to the

kurysdzau. Travel to the world of the dead was linked with danger for the soul of a messenger, who could face lethal consequences upon return to the world of the living. The kurysdzau practice is the base of the oldest folk beliefs about the forthcoming harvest and the economic conditions in the coming year. The demand for this form of visionary activity was determined by the social request, as a tool for future analysis of agricultural activities in the current year.

Keywords: *kurysdzau, Burku, Kuiris, cereals, cult of ancestors, agriculture.*

В свидетельствах исследователей быта и культуры осетинского народа постоянно присутствуют эмпирические описания, в которых рассказывается о видениях и о людях, обладающих паранормальной способностью восприятия некой чувственной реальности. Здесь перед нами предстают свидетельства бытования у осетин визионерства — сложного социально-религиозного феномена, основанного на склонности отдельных индивидуумов к мистическим видениям.

В Осетии существовало такое понятие, как *куырысздау* — так называли людей, которые обладали способностью в определенное время года перемещаться в загробный мир. Это явление связано с аграрным культом отражает заботы и переживания горца-пахаря за результаты своего труда.

Раз в год, обычно в ночь на Новый год, отдельные жители села, наделенные даром перевоплощения, впадали в летаргический сон. Во сне визионеры перемещались в определенную область потустороннего мира, локализованную разными названиями: *Куырыс*¹, *Бурку*, *Татартупп*, *Кортток*, откуда они должны были похищать зерновые злаки. Считалось, что вместе с зерном они забирали с собой и благодать, которая должна была обеспечить богатый урожай текущего года.

Благодаря дореволюционным исследователям осетинского быта и верований, мы имеем подробное описание этого явления у Б. Гатиева [1], В.с. Мил-

лера [2], Ю. Клапрота [3] и фрагментарно отраженное Л. Чибировым [4] в исследовании об аграрных верованиях осетин. Вместе с тем, остался в стороне такой аспект бытования института *куырысдзау*, как отношение к нему самого общества в целом и отдельных его представителей в частности. Были ли *куырысдзаутæ* изгоями или их почитали как представителей закрытой касты? И каково было их восприятие людьми в ряду ведьм и колдунов?

Изучение феномена визионерства связано с определенными сложностями. Эта ситуация связана с тем, что визионерство рассматривалось, как: 1) патологическое психофизическое состояние, связанное с определенными девиациями; 2) специфический религиозный и художественный феномен. И здесь он растворялся либо в мистике, либо в способности фантазировать [5, 3].

Таким образом, в общественном сознании и научном дискурсе сложилось представление, исходя из которого визионерство либо не является сколько-нибудь достоверным артефактом культуры, достойным специального анализа, либо это явление настолько редкое и уклоняющееся от нормы, что его изучение мало что прибавляет к пониманию культурных процессов. Практически визионерству было отказано в статусе особого явления, имеющего в культуре собственную природу и функции.

Возобладавшая в Новое время тенденция недоверия к разного рода ви-

дениям, наделение их ярлыком «суеверий», вытеснение мистики на периферию рационально ориентированного культурного сознания, с одной стороны, а также доминирование представлений об условности всех проявлений человеческой жизни, их субъективно-творческом генезисе — с другой, не могут заслонить того обстоятельства, что в эпоху первобытности, античности и средневековья видения составляли важнейшую часть картины мира [5, 4].

Куырысдзау как заметное явление в жизни осетинского общества не могло остаться без внимания исследователей духовной культуры осетинского народа. «У осетин есть старики и старухи, — писал Клапрот, — называемые “курисмэ цок”, которые в вечер под Новый год впадают в род экстаза, так что остаются лежачими как бы в состоянии сна» [3, 165]. Во время сна душа *куырысдзау* покидала тело и отправлялась на неведомый луг *Куырыс*, находящийся во власти умерших, на котором произрастали земные злаки и цветы. Здесь они должны были похитить хлебные злаки, дающие урожай на будущий год. Прибыв на место, посланцу живых приходилось проявлять сноровку, чтобы забрать семена и избежать гнева покойников, охранявших поле.

Куырысдзау делились на опытных путешественников, уже не раз побывавших на волшебном лугу, и на неопытных, для которых путешествие за злаками происходило в первый раз. Посланцы, впервые оказавшиеся на волшебном лугу, бросались собирать яркие цветы и растения, в то время как ветераны путешествия сразу же занимались сбором хлебных злаков и отправлялись в обратный путь.

Как записал Вс. Миллер, в местности Бурку находится склад всяких предметов, ради которых и предпринималась поездка. Однако красивые и блестящие по виду предметы оказывались наиболее вредными для живых. Неопытные посланцы, прельстившись их яркостью и красотой, приносили с собой разные болезни: душа, сорвавшая красную розу, приносит в мир живых кашель, белую розу — насморк, большое красное яблоко — лихорадку и т.п. [2, 455]

В это время тревогу начинали бить хозяева луга. «Луг этот ревниво охраняется мертвецами; только заслужившие их доверие души безнаказанно могут вернуться домой, захватив с собою нужное им количество зерен — залог прекрасного урожая и благоденствия в течение ближайшего года», — писал со слов старожилков М. Ковалевский [6, 90]. Застав земных посланцев на поле *куырысдзау*, покойники пытались воспрепятствовать похищению злаков, а когда это им не удавалось, бросались в погоню, обстреливая земных посланцев камышовыми стрелами. Отбиваться от усопших считалось постыдным, поэтому многие из *куырысдзаутæ* получали «ранения», проявлявшиеся на теле темными пятнами. Средства вылечиться от такой раны не было; иногда она проходила сама собой, иногда же раненый, пробудившись ото сна, через день-два начинал стонать и после долгих мучений умирал [2, 455].

Таким образом «скончались» *куырысдзау* из сел. Стур-Дигора — Асламирза Гунаев, из Дзинага — Тако Кануков, из Вакац — Налыкк Кокаев, из Хихата — Мила Цховребов [4, 323].

«Человек же, душе коего удалось счастливо доставить чудные семена, торжественно рассказывает на Ныхасе

подробности о том, как он их похитил, какие опасности вынес и, наконец, о том, что, по его милости, у них в ауле будет в предстоящее лето необыкновенный урожай. Слушатели изъявляют перед ним свою благодарность, а кто получил в это время или кашель, или лихорадку, бранит те души, которые принесли их», — описывает итог путешествия *куырысдзау* Б. Гатиев [1, 816].

Поверье о *куырысдзау* характеризует архаичные представления осетин о влиянии умерших на урожайность злаковых культур. Очевидно, что в их основе лежит культ мертвых. Вера в то, что мертвые могли оказать положительное воздействие на новый урожай, отражена в одном из ритуальных действий, связанных с поминовением покойников в Осетии — *Лауызганан*. На ночь семья клала яства в мешочек, а возле них — палку. Согласно поверью, ночью являлись покойники, забирали мешочек и палку и сразу же уходили. Утром хозяйка искала у очага зерна, будто бы оставленные покойниками. Если находились зерна пшеницы, считалось, что в этом году лучше уродится пшеница, если зерна ржи, то рожь и т.д. [7, 134] Чтобы получить богатый урожай, старались задобрить покойников, расположить их к живым [8, 186].

Уверенность в способности усопших родичей предотвращать несчастье и опасности была свойственна черкесам и горным грузинам — пшавам, тушинам и сванам. И по их представлениям предки также «заботятся о том, чтобы живущие не чувствовали ни в чем недостатка, и потому всячески содействуют урожаю, похищая с этой целью семена у соседей» [6, 96]. Влияние культа предков на урожай засвидетельствовано Н. Дубровиным у кабардин-

цев [9, 114]. Аналогичные обрядовые действия зафиксированы и у других народов. По описанию Л. Штернберга, ведьмы, подобно осетинским *куырысдзау*, «совершают свои полеты на излюбленных животных мифологии: на волках, взнузданных и погоняемых змеями, на кошках, козлах, медведях, свиньях (русская баба-яга), оленях и т.п. Позднее ведьмы довольствуются в своих полетах метлами, кочергами, лопатами, граблями и просто палками... Русские ведьмы и баба-яга носятся по воздуху в железной ступе» [10, 228]. У древних греков существовало поверье о влиянии умерших на произрастание зерновых. При этом интересна причина, которой они это объясняли: и посева, и умершие находятся в одном почвенном слое. «В почвенный слой он бросал зерно и наполнял его посевами и посадками, ожидая, что влажная и горячая плодородная почва пошлет ему урожай. В почвенный же слой человек клал своих умерших. Их могилы находились среди хлебных полей, и умершие, соприкасаясь с посевами, брали их под свое покровительство и заботились о произрастании» [11, 86].

Но наиболее яркие аналогии мы находим в Италии и на Балканах. В первом случае — это явление, отмеченное в области Фриули — *benandanti*. Вот как описывается в научной литературе этот пример визионерства: «Эти люди, обвиненные в 1570 г. местными властями, рассказывали инквизиторам, что при смене времен года они впадали как бы в летаргию. Одни из них (обычно мужчины) говорили, что во сне они сами (или их дух), вооружившись ветками укропа, отправлялись сражаться в дальние поля с ведьмами и злыми колдунами, вооруженными, в свою очередь, стебля-

ми сорго. Эти воображаемые сражения велись из-за плодородия земель. Другие (главным образом женщины) уверяли, что во сне они (или их дух) присутствуют на шествиях мертвецов... Ночным путешествиям *benandanti* предшествовало летаргическое состояние, когда дух покидал их как бы умершее тело и отправлялся в путь в виде какого-нибудь живого существа (мышь или мотылька) или верхом на животном (зайце, собаке, свинье и т.п.)» [12, 134].

Феномен *benandanti* не уникален. Ближайшая аналогия — сербские и черногорские *здухачи* — это люди или животные, «обладающие способностью бороться с непогодой, защищая свои уголья от нападения других атмосферных демонов. При приближении непогоды *здухач* впадает в сон, а его душа борется с бурей, принимая облик ветра, орла, мухи. Проснувшись обессиленным и уставшим, он обнаруживает на себе раны, полученные во время битвы» [13, 303].

Феномен визионерства в аграрной сфере Осетии также возник не случайно и был продиктован общественным заказом. Горцам, постоянно обеспокоенным судьбой будущего урожая, было необходимо иметь хотя бы общее представление о его перспективах. Это позволило бы, в случае неудачного похода *куырысдзау*, более экономно использовать имеющиеся ресурсы или же выбрать для посева именно те злаки, которые смог «похитить» *куырысдзау* из мира теней. Таким образом, эзотерическая сторона феномена *куырысдзау* имела вполне рациональную сторону.

Если знахарки, гадалки, ясновидящие в основном выполняли заказ отдельного человека или семьи, то *куырысдзау* — всего общества. Это прида-

вало им особый статус. Действительно, едва ли можно представить, чтобы на место общественного собрания Ныхас могли пригласить знахарку или гадалку, тогда как *куырысдзау* был обязан отчитаться перед обществом о результатах своего вояжа в *Куырыс*. Подобный высокий статус был и у балканского *здухача*. Здесь некоторые реальные исторические лица с героической судьбой представлялись простому народу *здухачами* [13, 304].

Особое отношение у осетин к *куырысдзау* было связано и с их жертвенностью во имя общественного дела, ведь случаи их гибели отмечались неоднократно.

Более того, в Южной Осетии, например, даже православные священнослужители четко отделяли *куырысдзау* от круга ведьм и гадалок².

Конечно же, способности *куырысдзау*, наряду с уважением, не могли не вызывать и настороженности у людей, хотя бы потому, что в свои походы они отправлялись верхом не только на неодушевленных предметах, но и на домашних животных и даже людях³. Общественное сознание чутко улавливало эту темную сторону феномена *куырысдзау* и старалось его учитывать.

Поэтому накануне Нового года всем людям, ослам, лошадям привязывали железные предметы, черные повязки; на животных или на косяках дверей хлева делали крестики свиным жиром, чтобы не дать возможности *куырысдзау* ездить на них в потусторонний мир [4, 324]. «Люди, едzące туда под Новый год... садятся на лучших лошадях, которые после поездки начинали кашлять, или же на людей во время их сна, после чего эти люди хворают. Чтобы сохранить своих лошадей от поезд-

ки в Бурку, им подвязывают цепочки или кусочки железа. То же делают и с людьми», — отмечал В. Миллер [2, 454]. Целые семейства со своим скотом шли к святилищу *Уацилла*, молились ему и просили, чтобы тот избавил их от использования *куырысдзау* в качестве верхового. Обращение осетин именно к этому святому объясняется тем, что *Уацилла*, как небожителю-громовику, приписывалась способность ограждения от темных сил.

Тем не менее, на личностном отношении людей к *куырысдзау* эти предосторожности не отражались, отрицательная сторона их практик считалась неизбежным злом, издержками «профессии», не зависящими от самого посланца.

Другое дело, что со временем с понятием *куырысдзау* стали отождествлять и другие явления схожего порядка, например, оборотничество, хотя оно по своему содержанию никак не связано с аграрными воззрениями (разве только тем, что именно на мельницах происходило перевоплощение оборотней [14, 288]). Очевидно, в общественном сознании образ одного необъяснимого явления накладывался на другой, сходный по форме. Этим можно объяснить и то, что к *куырысдзау* стали причислять и известного персонажа Сказаний о нартах — Сырдона, который, несмотря на свою экзотическую сущность, никогда не выполнял функции *куырысдзау* [15, 294].

Вызывает интерес и гендерная составляющая практик *куырысдзау*. В научной литературе указывается, что ими могли быть как мужчины, так и женщины, причем женщины преклонного возраста. Однако при более пристальном анализе свидетельств мы должны отметить, что истинными *куырысдзаутæ* яв-

лялись все же мужчины. Об этом говорит и то, что в известных случаях гибели *куырысдзау* погибшими были именно мужчины. Но более доказательным является правило, согласно которому *куырысдзау*, по возвращении из *Куырыс* должен был приходить для отчета на *ныхас*, куда имели доступ только мужчины. Отметим здесь, что те *benandanti*, которые «специализировались» на битвах за плодородие, были исключительно мужчинами.

Нельзя согласиться и с мнением о том, что *куырысдзау* отправляются на *Куырыс/Бурку* для участия в шабаше. Сама суть явления — похищение зерновых — никак не связана с содержанием ведьмовских оргий. Этим аналогий не избежали и итальянские *benandanti*. Подобная соотнесенность *куырысдзау* и *benandanti* с ведьмовскими практиками, вероятно, возникла под влиянием того образа, который сформировался во времена инквизиции и поддерживался священнослужителями, демонологами, исходившими из веры в существование враждебной секты, действующей по наущению дьявола, вступление в которую предварялось осквернением креста и святых таинств [12, 140]. В понимании клерикалов всякий визионер был представителем нечисти.

Вопрос о том, как становились *куырысдзау*, вызывает отдельный интерес. Возможно, что предопределяющим было психофизическое состояние самого человека, которое способствовало развитию у него чувственного восприятия. Нами не засвидетельствовано фактов наследования подобных качеств у потомков *куырысдзау*, хотя информанты указывают на то, что их дети отличаются замкнутостью характера и несчастливой судьбой⁴.

Несмотря на архаику явления *куырысдзау*, оно сохранялось вплоть до недавнего времени⁵. В советское время способности визионеров уже не были так востребованы, как в старину. Обобщественное хозяйство колхозов более не вызывало у крестьян особой озабоченности, а небольшие приусадебные участки не могли обеспечить семье благосостояние. Поэтому информативная составляющая перемещений *куырысдзау* ограничивалась рассказами о встречах с покойниками из села, да указани-

ями о том, будет ли год дождливым или засушливым.

Таким образом, в основе практики *куырысдзау* лежат древнейшие народные представления о предстоящем урожае, о хозяйственных условиях в наступающем году. Востребованность этой формы визионерства была определена общественным заказом. *Куырысдзау* в целом воспринимался как средство для прогнозирования видов на сельскохозяйственную деятельность в текущем году.

Примечания:

1. От наименования этой местности и происходит название визионера *куырысдзау*: букв. 'идущий на Куырыс'. Во множественном числе — *куырысдзаутæ*.

2. Известный своими походами в потусторонний мир *куырысдзау* Тотыри Маргиев из села Тли Дзауского района Южной Осетии был допущен к служению дьяконом в местной церкви.

3. Информант Шавлохов Георгий Васильевич, 71 год. Записано в с. Згубир, 1989 г.

4. Информанты: Маргиева Вара Гудзаевна, 82 года, г. Цхинвал, 2003 г.; Тибилова Вера Михайловна, 82 года, с. Кроз, 1989 г.

5. В 1993 г. в селении Гвиргвина Велитской зоны Знаурского района умер один из последних *куырысдзау* Южной Осетии — Чога (Сограт) Кулумбегов. Автор статьи сам родом из этого селения, поэтому хорошо был с ним знаком. Среди односельчан он слыл человеком, обладающим даром перемещаться в пространство потустороннего мира. Он держал на цепи хряка в качестве сторожевого пса (!), на котором, как считали в селении, и путешествовал между мирами живых и мертвых.

1. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ, 2016. Т. 2. С. 794-861.

2. Миллер В. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.

3. Кланрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С. 105-180.

4. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ, 2008.
5. Сухов А. А. Феномен визионерства: культурно-исторические основания и модификации: Автореф. дисс. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2008.
6. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. В 2-х т. М., 1886. Т. 2.
7. Тедеев Г. Н. Термины, связанные со вспашкой // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. 1969. Вып. 16. С. 133-155.
8. Гаглоева З. Д. Составные элементы праздника «Ног бон» // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института, 1958. Вып. 9. С. 181-190.
9. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. СПб., 1871-1888. Т. 1. Кн. 1.
10. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л., 1936.
11. Богаевский Л. Б. Земледельческая религия Афин. Петроград, 1916. Т. 1.
12. Гинзбург К. Образ шабаша ведьм и его истоки // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 132-146.
13. Плотникова А. А. Здухач // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т./Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2.
14. Цгоев Х. Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. Владикавказ, 2015.
15. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. В 7 т. Владикавказ, 2005. Т. 3.